

УДК 903.25:73(571.53)

Зооморфная скульптура из многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II

Д. Н. Лохов

Иркутский государственный университет

С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет

Аннотация. Изложены результаты исследования зооморфной скульптуры в виде головы лося из 6-го культуросодержащего уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II – одного из опорных голоценовых объектов Северного Приангарья. Изображение головы лося – один из распространенных мотивов в мелкой пластике таежной и лесотундровой зон Евразии. Лось становится в эпоху голоцена основным промысловым животным на территории Сибири, играя определяющую роль в экономическом развитии древних обществ. Особое место лося в жизни древнего человека нашло отражение в культуре, мировоззрении и верованиях, сформировав культ лося. Все это проявилось в наскальных и скульптурных изображениях из рога, кости, камня, керамики, дерева, металла. Все известные скульптурные изображения лосей были зафиксированы в сопроводительном инвентаре человеческих погребений. Зооморфная скульптура из Усть-Ёдармы II обнаружена на стояночном комплексе и, вероятно, имеет ритуальный характер. Находка скульптурного изображения в виде головы лося в данном контексте явление уникальное и не имеющее аналогов.

Ключевые слова: неолит, Северное Приангарье, зооморфная скульптура, мелкая пластика, мобильное искусство, лось, тотем, погребение.

Введение

Одним из самых распространенных мифологических образов от эпохи палеолита до этнографической современности в Сибири и Евразии в целом является обобщенный образ оленя, марала-изюбря, лося-сохатого. Его толкование, предлагаемое исследователями, различно, а иногда и противоречиво: от представления этого образа как тотема, вселенной, солнца до пожирателя (похитителя) последнего. Чем мотивирован столь распространенный и устойчивый образ во времени и пространстве? Ответ на этот вопрос мог бы дать возможность видеть его трансформацию и многообразное выражение в более близкое к нам время.

Олень и лось в раннеголоценовой «послемамонтовой» фауне во время мезолита, неолита и позднее становятся основными промысловыми животными на территории Сибири, являясь, по существу, основными источниками

жизни человека того времени, что подтверждается находками большого числа костей этих особей на многих стояночных комплексах Сибири. Почитаемыми животными становились те, которые играли определяющую роль в экономике древних обществ.

Среди копытных тайги и лесотундры лось (*Alces alces*) стоит на первом месте по своим размерам и силе. За все его качества многие малые народности называют лося только почтительными наименованиями: «старший брат северного оленя», «великий зверь». Такое отношение к лосю зависит не только от его силы и крупных размеров, но и от реального значения охоты на лося в жизни лесных племен. А. П. Окладников отмечал, что «особо важная роль лося в реальной производственной жизни северных охотников не могла поэтому не найти своего отражения в их интеллектуальной культуре, в их мировоззрении и верованиях, в культе лося. Неолитический культ лося в Сибири вполне закономерно явился поэтому одним из наиболее ярких и выразительных образцов древнейшего культа зверя» [1950, с. 311]. Все это проявилось в наскальных изображениях, мелкой пластике из рога, кости, камня, керамики, дерева, а позже и металла.

Предметы мелкой пластики обнаружены и в культуросодержащих отложениях поселений, и в погребениях, что, вероятно, свидетельствует об их разнообразном использовании в качестве культовых предметов, украшений и амулетов. Изображение головы лося (оленя) – один из распространенных мотивов в мелкой пластике лесной зоны Евразии.

В 2010 г. во время проведения спасательных археологических работ на многослойном геархеологическом местонахождении Усть-Ёдарма II в 6 культуросодержащем уровне обнаружено зооморфное скульптурное изображение, выполненное из рога.

Географическая, геолого-геоморфологическая и историческая справка

Многослойное геархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II расположено на правом приустьевом мысу р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, в 100 км к северу от г. Усть-Илимска. Административно-территориально объект находится в Усть-Илимском районе Иркутской области на границе с Красноярским краем и входит в состав ансамбля из шести объектов археологического наследия Ёдарминской геархеологической площади.

Река Ёдарма – один из основных левобережных притоков р. Ангары в нижнем ее течении. Долина р. Ёдармы представлена в основном скальными выходами, перемежающимися лугами. Течение реки очень извилистое, местами образует небольшие шиверы и перекаты, дно каменистое. Против устья р. Ёдармы, по правому берегу р. Ангары, и несколько выше её по ангарскому течению впадает р. Ката. Вместе обе реки образуют Ката-Ёдарминское расширение, имеющее глубокую и богатую спецификой явлений геологическую историю формирования и не менее сложную ситуацию в истории освоения этого района человеком, современником многих эпизодов геологического, палеогеоморфологического, палеоландшафтного, этноисторического прошлого.

Като-Ёдарминский район вписан в Северное Приангарье и вместе с таковым отнесен к северной окраине Байкальской Сибири, принятой в общем научно-географическом районировании провинцией страны Северная Азия. Территория занимает поворотную-угловую – северо-восточную географическую позицию между субмеридиональным течением р. Ангары в Иркутской области и субширотным ее течением в Красноярском крае [Северное Приангарье ..., 2009, с. 299].

Местонахождение Усть-Ёдарма II открыто в 1972 г. в ходе разведки Богучанским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством Н. И. Дроздова. В подъемных сборах был зафиксирован разновременный археологический материал (неолит – палеометалл). Следующий этап в изучении объекта связан с 1998 и 2007 гг., когда в рамках программы по инвентаризации объектов археологического наследия, попадающих в зону затопления ложа Богучанской ГЭС, здесь были проведены сборы экспонированного материала [Лохов, 2008]. С 2009 г. начинаются плановые спасательные работы в рамках сохранения культурного наследия объектов археологии, попадающих в зону затопления Богучанской ГЭС [Лохов, 2010].

Объект занимает оконечность приустьевых мыса р. Ёдармы и прибрежный участок вверх по р. Ангаре протяженностью около 1000 м. Деревня Ёдарма вытянута вдоль по ангарскому берегу от острия мыса на расстояние более чем 500 м, тем самым перекрывая своим «историческим техногеном» археологические остатки «додеревенского» периода почти повсеместно. Следовательно, голоценовая и доголоценовая археология вписана в контур деревенской деятельности. Наиболее свободной от деревенского воздействия территорией является оконечность мыса и прибрежный участок вверх по р. Ангаре. Здесь в 2009 г. заложена первая очередь раскопа, в 2010 г. – вторая (рис. 1).

В раскопе вскрыты две толщи геологических образований делювиального генезиса: позднего голоцена (Н₂), глубина – 1,10–1,30 м, а также раннего голоцена (Н₁), глубина – 1,90–1,70 м. В толщах зафиксировано 9 культуросодержащих уровней, сгруппированных в две пачки: гумусные образования Н₂ содержат уровни 1–5, кровля светлых супесей Н₁ – уровни 7–9; пограничным является уровень 6. Таким образом, подтверждена стратиграфическая ситуация залегания культуровмещающих уровней, зафиксированная в 2009 г. В толще бурого суглинка (глубина залегания 2,20–2,40 м), подстилающего 9-й культуросодержащий уровень, зафиксированы остатки костей млекопитающих, позволившие выделить десятый уровень. По предварительным данным суглинок маркирует границу плейстоцен-голоцена. Археологические предметы здесь пока не обнаружены [Lokhov, 2010; 6. Результаты спасательных работ ..., 2010; Дударёк, Лохов, 2011].

Условия залегания и описание зооморфной скульптуры

При зачистке 6-го культуросодержащего уровня в пикете 46, кв. 1126 было зафиксировано скульптурное произведение мелкой пластики, выполненное из рога (рис. 2). Уровень представлен толщей легких супесей розовато-серого, розовато-бурого цвета, переслаивающихся с серыми, светло-серыми супесями. Получена серия радиоуглеродных дат, обозначивших

Рис. 1. Ситуационный план правого приустьевого участка р. Ёдармы с границами многослойного археологического местонахождения Усть-Ёдарма II

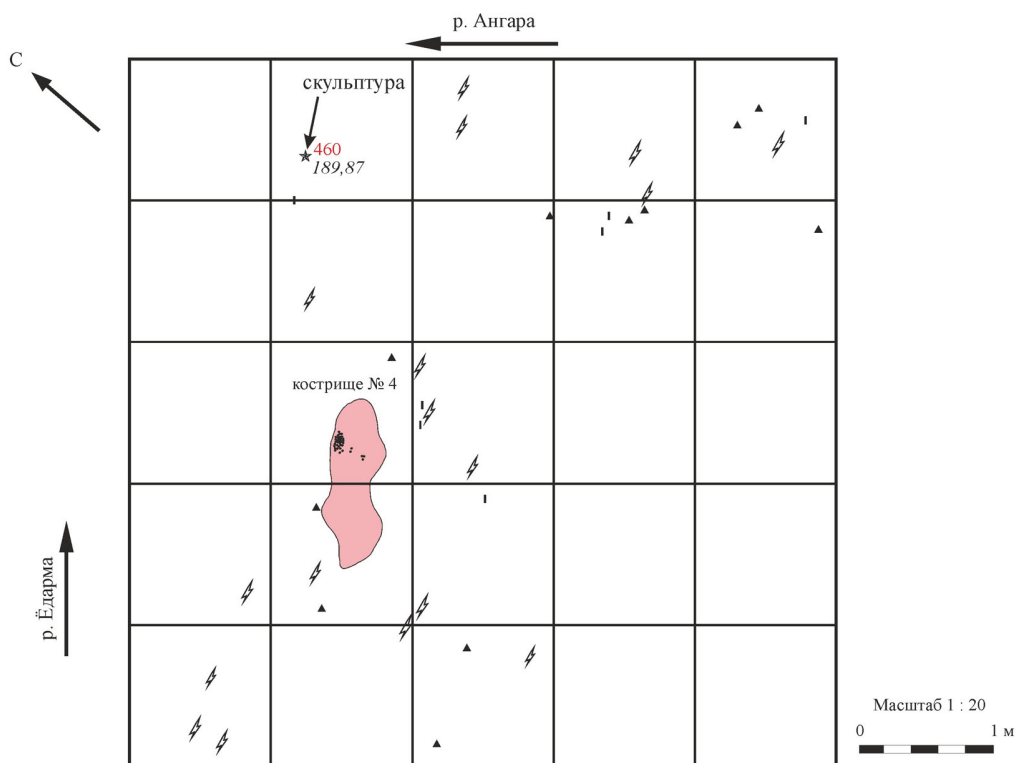

Рис. 2. Местонахождение Усть-Ёдарма II.
Площадь А, раскоп 1, пикет 46, уровень 6. Общий план

верхнюю и нижнюю границы уровня. Образцами служили остатки фрагментов фауны и углистая масса с включениями угля из ряда кострищ. Таким образом, верхняя граница 6-го культуросодержащего уровня – 5945 ± 100 лет (СОАН-8094) и 6090 ± 110 лет (СОАН-8099); нижняя граница – 6680 ± 120 лет (СОАН-8357). Также была получена промежуточная дата из слоя, располагающаяся ближе к верхней его границе – 6215 ± 70 лет (СОАН-8355). Полученные даты позволяют соотнести отложения 6-го уровня с синхронными по времени объектами китайского времени Южного Приангарья.

Археологический материал 6-го уровня представлен 1935 единицами находок. В коллекции артефактов имеются изделия из камня, рога, кости, фрагменты керамических сосудов и отходы каменного и костяного производства. Каменный материал представлен топорами с «ушками», бифасами, наконечниками стрел, разнообразными нуклеусами, ретушированными фрагментами пластин и микропластин (вкладышами). К изделиям из кости относятся жало составного крючка, фрагменты гарпунов, обоймы составных изделий.

Зооморфная скульптура зафиксирована в небольшом углублении явно искусственного происхождения размерами 11×15 см, заполненном супесью более темного цвета с включениями угля. Границы ямы четко прослеживаются в плане (рис. 3).

Обнаруженный нами предмет мелкой пластики можно интерпретировать как голову лося. Детали головы даны отчетливо, но лоб выражен нечетко. Лобный бугорок, характерный для всех известных скульптурных изображений лося, не прослеживается. Верхняя губа нависает над нижней и разделена врезом на торце морды. Форма шейного выступа овальная. Контур рта оформлен глубокими боковыми прорезами. Ноздри изображены четко на торце морды двумя продольными глубокими врезами. На голове имеются бугорки, которые можно интерпретировать как небольшие уши или отростки рогов. Глаза обозначены овальными углублениями справа и слева. Ниже видны маленькие округлые углубления, которые, вероятно, являются первоначальными наметками мастера, но позже при изготовлении скульптуры глаза прорезаны чуть выше, ближе к лобовой части головы, тем самым были соблюдены пропорции. Нижняя челюсть выделена четкими тонкими прорезами. Здесь хорошо наблюдаются следы обработки рога режущим предметом. Конец шейного выступа выпуклый, грибовидной формы. Сохранность изделия удовлетворительная, имеются небольшие трещинки. Общая длина изделия – 8,5 см, длина головы – 5 см, длина шейного выступа – 3,5 см, ширина головы – 1,7 см, ширина кончика шейного выступа – 0,7 см, высота головы – 2 см, высота кончика шейного выступа – 1,1 см (рис. 4).

Обсуждение

Как объект религиозно-мифологической системы образ лося появляется в неолите (палеолитические свидетельства или отсутствуют, или недостаточно надежны). А. А. Формозов считал, что палеолитические стоянки, как правило, располагались на мысах при выходе из оврагов в ту или иную широкую долину. Пересеченная, по его мнению, местность удобнее всего подходила для загонной охоты на табуны крупных травоядных. Успех ее обеспечивало в первую очередь не совершенство оружия, а сложная тактика загонщиков, преследовавших животных, не дававших им свернуть в сторону, направляя, таким образом, их к неминуемой гибели на мысы, окруженные крутыми обрывами. Позже появились лук и стрелы, к этому моменту представители мегафауны вымерли или почти вымерли, и охотиться приходилось на более мелких и нестадных млекопитающих. Отныне все определяла не величина и слаженность действий коллектива загонщиков, а ловкость и меткость отдельного стрелка-лучника. Эти технические достижения – результат длительных поисков наиболее надежных, наиболее целесообразных орудий производства – не меняли сути дела. Человечество по-прежнему лишь присваивало продукты природы. Росписи и гравировки на скалах, скульптуры из камня, глины, кости и дерева, рисунки на керамических сосудах посвящены почти исключительно промысловым животным [Формозов, 1980, с. 9–10]. Известны начальные изображения лося или стада лосей, лося и человека (чаще всего в ситуации охоты, иногда – поклонения человека лосю); беременной или рожавшей лосихи; лось (или стадо лосей) вместе с рыбами, птицами, лодками и т. п. [Николаев, Мельникова, 2008; Окладников, 1959, 1966, 1974а, 1974б, 1977, 1978; Окладников, Запорожская, 1959; Окладников, Васильевский, 1976; Косарев, 1991].

Рис. 3. Местонахождение Усть-Ёдарма II.
Площадь А, раскоп 1, пикет 46, уровень 6. Зооморфная скульптура *in situ*

Рис. 4. Местонахождение Усть-Ёдарма II.
Зооморфная скульптура – голова лося

Эти изображения, а также ритуалы помогают определить прежде всего космогоническую роль лося. Интерпретация археологических материалов всегда сопряжена с привлечением этнографических аналогий. Без них сделать какие-либо выводы затруднительно. С. В. Студзицкая, ссылаясь на ряд исследователей, указывает, что следы культа лося прослеживаются в тунгусском фольклоре и в предметах эвенкийской пластики [Студзицкая, 1981, с. 42; Эпоха бронзы ..., 1987, с. 347]. А. П. Окладников относил зарождение этого культа к неолитической эпохе [Окладников, 1950, 1959].

В ряде работ С. В. Студзицкая отмечает, что скульптурные фигурки лосей как в китойских, так и в глазковских (эпоха бронзы) погребениях всегда находились только при мужских костяках и в захоронениях с яркими особенностями погребального ритуала или со специфическим набором инвентаря [Студзицкая, 1981, с. 42; Эпоха бронзы ..., 1987, с. 347]. Исключением может являться женское погребение № 36 из могильника Локомотив, в котором «на месте черепа женщины (mat) находилась костяная скульптура головы лося» [Базалийский, Савельев, 2008, с. 14]. Это может указывать на какой-то особый социальный статус погребенной.

Отмеченные обстоятельства подчеркивают связь этих изображений с людьми, занимавшими особое положение в родовом обществе, с хранителями древних традиций. Нахождение этих предметов при мужских костяках может объясняться и тем, что на протяжении многих тысячелетий вплоть до современности охота была прерогативой исключительно мужчин.

С самого начала своей истории охотничья практика включала в себя не только систему рациональных, но и магических приемов, которые должны были обеспечить ее успех. Охотничья магия продолжала существовать даже в тех исторических условиях, когда сама охота уже не играла существенной роли в системе жизнеобеспечения, а превратилась в престижное развлечение. Улучшение старых и появление новых средств и способов охоты неизменно отражалось если не в содержании, то, во всяком случае, на внешнем оформлении магических действий и ритуалов [Михайлов, 2010, с. 59]. Подношение даров духам перед охотой, сам ритуал охоты на лося, его убийство, разделка туши с соблюдением определенного порядка и правил, пиршество, «кормление» духов после охоты, обмазывание губ свежей кровью и т. п. – все это указывает на охотничью магию, связанную с дальнейшим успешным промыслом, от которого часто зависела судьба целого рода или племени. Каждый охотник различными колдовскими обрядами старался заручиться удачей и для этого всегда имел все необходимые атрибуты.

Все ранее найденные предметы мобильного искусства, изображающие лося, были зафиксированы в погребениях, преимущественно одиночных, реже в парных. Описываемая нами скульптура обнаружена на стояночном комплексе, что является уникальным явлением. Однако можно говорить и о том, что данная скульптурка была захоронена с какими-то особыми целями: в качестве дара-приношения духам или, возможно, был совершен какой-то другой ритуал. На это указывает искусственное происхождение ямы, в которой обнаружен артефакт. Кроме того, на сакральный характер находки указывает

тот факт, что все действие происходило практически на самой оконечности приустьевого мыса р. Ёдармы при ее впадении в р. Анггару. Мыс мог быть именно тем священным местом, где постоянно проводились различные магические ритуалы, направленные на охранение и процветание племени.

В то же время лось мог быть тотемным животным. А. П. Окладников и ряд других исследователей, основываясь на этнографических и фольклорных данных, при анализе семантики наскальных изображений видел образ матери рода и матери зверей, уходящий к истокам тотемизма [Окладников, 1950, 1959; Студзицкая, 1981; Базалийский, 2007]. Однако М. Ф. Косарев, ссылаясь на этнографические и археологические свидетельства о почитании лося и об особой культовой обрядности древних племен урало-сибирской тайги, связанной с этим почитанием, указывает, что «культ лося вряд ли имел прямое отношение к тотемизму» [Косарев, 1991, с. 142]. С. В. Студзицкая в своей работе по могильнику Шумилиха, ссылаясь на А. Ф. Анисимова, отмечает, что «у эвенков обобщенный образ хозяйки тайги и их матери отождествлялся с лосем или диким оленем, и возник он в родовом культе предков как обобщение первичных представлений о мифических прародителях зверей – тотемах. Родовые духи-охранители также чаще всего изображались в виде фигурок лося, которые хранились у шамана» [1981, с. 42]. Часто после смерти охотника они сопровождали его в могилу. Отдельное захоронение скульптурки могло обозначать либо гибель шамана (охотника) в тайге, когда его тело не было обнаружено, либо угасание всего рода. Когда скончался или погиб последний представитель данного рода, то соседний род мог совершить захоронение главного тотемного животного, тем самым отдавая дань памяти.

Заключение

Несомненно, образ лося занимает центральное место в зооморфной скульптуре древнего населения Сибири. Особенно ярко он представлен в комплексах китойской культуры. Широко развитый культ лося получил отражение в серии стилистически однородных фигурок. Образу лося в сознании людей той эпохи отводилось особое место. На это указывают его изображения на наскальных писаницах (Шишкинские писаницы, о. Каменный, о. Жилой на р. Анггаре) и ряд скульптурных изображений из Китойского, Усть-Удинского, Верхоленского могильников, а также могильников Локомотив, Усть-Белая, Шумилиха, Базаиха.

Лось являлся основным промысловым видом, который давал все необходимое для жизни, ведь часто благополучие всего рода полностью зависело от удачного промысла, а чтобы промысел был удачным, в дело вступали различные магические священные обряды. Еще в начале XX в. эвенки устраивали священные действия, направленные на размножение лося, приманивание его на родовые охотничьи угодья и обеспечение удачного промысла. При их проведении немаловажную роль играли деревянные фигурки лосей и диких оленей [Георгиевская, 1979, 1989].

Скульптурное изображение головы лося из местонахождения Усть-Ёдарма II несколько отличается от известных классических китойских и глазковских скульптурных изображений лосей. Отдельные элементы скульптуры не имеют аналогов среди найденных предметов мелкой пластики. Так, С. В. Студзицкая, сравнивая скульптурки лося из погребения в Базаихе в окрестностях Красноярска, отмечала, что «по своей моделировке они отличны от прибайкальских фигурок. В их оформлении просматривается иная стилистическая традиция, отражающая, видимо, иную этническую принадлежность. Контактной зоной между Средним Енисеем и Прибайкальем была, вероятно, долина Нижней и Средней Ангары, в пластике которой наблюдается смешение черт, свойственных обоим ареалам» [Эпоха бронзы..., 1987, с. 345]. То же самое можно отметить, если сравнить усть-ёдарминскую скульптуру со скульптурами из Базаихи, ведь на протяжении многих тысячелетий нижнее течение р. Ангары действительно являлось той зоной, где пролегал путь, по которому осуществлялись миграции, культурные, этнические и торговые связи древних обитателей Западной и Восточной Сибири, таежных охотников и рыбаков с народами Центральной Азии. К тому же факт захоронения отдельной скульптурки без человеческого погребения является на данный момент уникальным явлением, аналогов которому пока не зафиксировано.

Определимый остеологический материал из 6-го культуросодержащего уровня на местонахождении Усть-Ёдарма II на 50 % представлен костями лося, из чего следует вывод, что это животное играло огромную хозяйственно-бытовую роль и, значит, занимало ведущее место в культурно-обрядовой традиции древнего населения Северной Ангары в эпоху неолита.

Шестой уровень синхронен с объектами китойской культуры Южного Приангарья. Археологический материал по своим технико-морфологическим признакам во многом схож с китойским инвентарем, но имеется и ряд отличий. Наряду с типичной для «китоя» керамикой с оттисками сетки-плетенки здесь зафиксирована шнуровая «хайтинская» керамика, которая по материалам объектов Южного Приангарья датируется периодом около 6400–6500 лет.

Материалы местонахождения Усть-Ёдарма II существенно дополнили представления о жизни древнего населения Байкальской Сибири и поставили новые проблемы в сфере духовной жизни и верованиях.

Список литературы

Базалийский В. И. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив (особенности ритуала захоронений) / В. И. Базалийский, Н. А. Савельев // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 7–27.

Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Георгиевская Г. М. Предметы искусства из неолитических погребений могильника Усть-Белая / Г. М. Георгиевская // Изв. / СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – Новосибирск, 1979. – № 6, вып. 2. – С. 77–82.

Дударёк С. П. Многослойное георхеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2010 г.) /

С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. – Красноярск, 2011. – С. 115–117.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда / М. Ф. Косарев. – М. : Наука, 1991. – 302 с.

Лохов Д. Н. К проблеме сохранения объектов археологического наследия в зоне строительства Богучанской ГЭС / Д. Н. Лохов // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул : Азбука, 2008. – С. 39–40.

Лохов Д. Н. Многослойное геoarхеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2009 г.) / Д. Н. Лохов // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 152–153.

Михайлов Ю. И. Охота на копытных в начале II тыс. до н. э. на юге Западной Сибири и в Южном Зауралье / Ю. И. Михайлов // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул : Слово, 2010. – С. 59–65.

Николаев В. С. Петроглифы Кудинской долины / В. С. Николаев, Л. В. Мельникова. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – 170 с.

Окладников А. П. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 200 с.

Окладников А. П. Лоси на Долгом пороге: (Периодизация нижнеангарских наскальных изображений) / А. П. Окладников // СЭ. – 1974а. – № 3. – С. 53–59.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М., Л. : Наука, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с.

Окладников А. П. Новые наскальные рисунки на Дубынинском-Долгом пороге (Ангара) / А. П. Окладников // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 160–191.

Окладников А. П. Петроглифы Ангары / А. П. Окладников. – М., Л. : Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1974б. – 125 с.

Окладников А. П. Петроглифы Верхней Лены / А. П. Окладников. – Л. : Наука, 1977. – 323 с.

Окладников А. П. Удивительные звери острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья / А. П. Окладников, Р. С. Васильевский // Первобытное искусство. – Новосибирск : Наука, 1976. – С. 47–55.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Памятники древней культуры Приангарья / А. П. Окладников. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Результаты спасательных работ на местонахождениях Усть-Ёдарма I–III в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2010 году / Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, Г. И. Медведев, В. М. Новосельцева, Е. О. Роговской // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 538–541.

Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию / Г. И. Медведев, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Таракановский // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри (Иркутск, 3–6 мая 2009 г.). – Иркутск : Амтера, 2009. – С. 298–309.

Студзицкая С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (по материалам могильника Шумилиха) / С. В. Студзицкая // Бронзовый век Приангарья. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1981. – С. 38–50.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1980. – 136 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М. : Наука, 1987. – 472 с.

Lokhov Dmitrii. New date from Kata-Yodarma region of the Northern Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. – Tokyo : Keio University, 2010. – P. 71–76.

A Zoomorphic Figurine from the Multilayer Site of Ust'-Yodarma II

D. N. Lokhov, S. P. Dudariok

Abstract. The article contains the results of a study of a zoomorphic figurine (a head of an elk) from the 6th cultural level of the Ust'-Yodarma II multilayer site. Ust'-Yodarma II is considered to be a defining site for the Holocene of the Northern Angara region. Elk depictions are among the most widespread forms of mobile art in the taiga and tundra forest zones of Eurasia. During the Holocene, elk became the main game animal in Siberia, playing a decisive role in the economic development of ancient societies. The specific place of elk in the lifestyle of ancient societies was represented in culture, worldview and beliefs, forming what might be called “the cult of the elk.” This also led to the creation of petroglyphic and sculptural depictions of elks from horn, bone, stone, ceramic, wood and metal. All previous sculptural portrayals of elks were found in association with human burials. In contrast, the zoomorphic figurine from the Ust'-Yodarma II was found in a multilayer site, and likely held a sacred character. The finding of a sculptural portrayal of an elk in this context is unprecedented.

Key words: the Northern Angara region, zoomorphic figurine, mobile art, elk, totemic symbols, Neolithic, burial place.

Лохов Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, bisaagan@yandex.ru

Lokhov Dmitriy Nikolaevich – Junior Researcher, Irkutsk State University, 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, bisaagan@yandex.ru

Дударёк Сергей Павлович – студент, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, dudareks@mail.ru

Dudariok Sergey Pavlovich – student, Irkutsk State University, 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, dudareks@mail.ru